

ПСЕВДОАЛБАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ АПОЛОГЕТЫ

А. В. МУШЕГЯН

За последние десятилетия некоторые азербайджанские историки в своих явно тенденциозных работах методично пытаются выставить албан историческими предками азербайджанского народа, приписать воображаемым предкам-албанам обширную территорию за счет соседних народов и непомерно громадный вклад в общечеловеческую культуру.

Давно уже пора провести строгую черту между научной албанистикой и лженаучной школой албанофильства. Фальсификация исторического прошлого не может быть самоцелью. Извращение фактов даже далекого прошлого чревато сегодня опасными политическими последствиями как результат умышленного ущемления исторических интересов соседних народов.

Некоторые азербайджанские историки так усердно напирают на албан как на предков азербайджанского народа не в силу исторически и антропологически обоснованного этногенеза, а с целью своих экспансивных притязаний на территории и ценности материальной и духовной культуры соседних народов Дагестана, Грузии и в первую очередь, конечно, армянского народа.

Сказанное в значительной мере относится к средневековой армянской литературе, ибо в книгах акад. АН АзССР Зии Буниятова, Ф. Мамедовой и других один за другим провозглашаются *албанскими* такие выдающиеся памятники древнеармянской литературы VII—XIII вв., как поэма Давтака Кертоха «Плач на смерть великого князя Джуаншира (Джеваншира)» (VII в.), «История страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци (VIII—X вв.), труды Мхитара Гоша (XII—XIII вв.): «Судебник», «Албанская хроника»¹, «Подвижничество св. Хосрова (Гандзакеци)», а также «История Армении» Киракоса Гандзакеци (XIII в.).

Рассуждения З. Буниятова, Ф. Мамедовой и других о принадлежности названных сочинений к албанской литературе шатки и расплывчаты из-за полной беспочвенности их доводов. Так, З. Буниятов пишет: «Неверным, на наш взгляд, является «твердое убеждение» некоторых ученых в том, что М. Каганкатвацци был армянским историком»². Дальше еще категоричнее: «Непреложный факт, что Моисей Каганкатвацци действительно «древний албанский историк» (с. 98). После такого голословного утверждения, считая вопрос исчерпанным, З. Буниятов переходит уже к присвоению следующего армянского автора: «Нам кажется, что неверно считать стихотворение-плач Давтака «первым памятником светской поэзии феодальной Армении», а не Албании» (с. 98).

¹ Под таким названием в 1930 г. был издан в Баку труд Мхитара Гоша «Календарикосы и события страны Алуанк в XII веке».

² З. Буниятов, Азербайджан в VII—IX вв., Баку, 1965, с. 97.

Вменяя в вину армянам насильственную арменизацию албан в VIII в. при содействии Арабского халифата³ и связывая с этим полное исчезновение албанского языка, З. Бунятов в подкрепление этой своей лженаучной презумпции обвиняет средневековых армянских церковных книжников в том, чем занимается сам—в присвоении албанских авторов и даже в вандализме—в уничтожении несуществовавших албанских литературных памятников опять-таки с помощью арабских и последующих завоевателей: «Уничтожая литературные памятники Арана, григорьянские церковники предвзято переводили их на грабар. Это было проделано, в частности, с «Историей Агван» Моисея Каганкатваци, как, впрочем, и со многими литературными произведениями албанов»⁴. Утверждая подобное, З. Бунятов ссылается при этом на статью С. Т. Еремяна «Идеология и культура Албании III—VII вв.»⁵. Однако в статье С. Т. Еремяна нет и следа такой мысли. Просто фальшивой ссылкой на чужой авторитет азербайджанский историк пытается сделать собственное измышление веским и убедительным.

Наконец, З. Бунятов заявляет: «Судебник» Гоша, «Историю» Киракоса Гандзакети, как и много других средневековых источников по истории Арана, в значительной мере следует считать памятниками албанской литературы, написанными на грабаре. И только отсутствие в Азербайджане исследователей христианского периода истории Арана (Албании) дало возможность считать эту литературу армянской, хотя для этого никаких оснований кроме языка нет» (с. 99).

Можно подумать, что к такому заключению исследователь пришел, располагая при этом вескими доводами и, что важнее всего, после тщательного текстуального анализа оспариваемых произведений. Ничего подобного, просто с появлением так называемых «исследователей христианской эпохи» прибавилось только литературное рвение и кощунство, ибо тот, кто стремится отобрать чужое достояние, не нуждается в правоте, следовательно, и в доказательствах, а мы который уже раз должны почему-то доказывать, что наша литература—это есть наша литература.

Спустя 20 лет Ф. Мамедова заявит в том же духе: «В силу особенностей исторических судеб письменные памятники Албании местного происхождения представлены на древнеармянском языке» (с. 5). А в конце книги она по своей «забывчивости» выдвигает новую формулировку: «Следует отметить, что албанская литература до X в. включительно создавалась на албанском языке, а с XII в.—на армянском» (с. 245).

После таких двойственных высказываний, какие часто можно встретить у Ф. Мамедовой, невольно приходится думать, что для подобных исследований логическое умозаключение вовсе и не обязательно.

Итак, по «строгому» разделению этих исследователей, произведения Давтака и Мовсеса Каланкатуаци были написаны на албан-

³ З. Бунятов, указ. соч., с. 100. См. также его же статью аналогичного содержания в журнале «Известия АН АзССР (История, философия и право)», Баку, 1987, № 4.

⁴ Там же, с. 97. На эти же доводы З. Бунятова ссылается в 1986 г. Ф. Мамедова, поднимая вопрос о гибели и «о дальнейшей судьбе албанской литературы, изначально написанной на албанском языке для албанского населения»—Политическая история и историческая география Кавказской Албании, Баку, 1986, с. 42.

⁵ Очерки истории СССР, М., 1958, с. 329.

ском языке и сохранились лишь в армянском переводе, а труды Мхитара Гоша и Киракоса Гандзакеци, хотя и были написаны на гробаре (на древнеармянском языке), но их нужно считать только памятниками албанской литературы. Причем, албанофилы в пользу своих притязаний, как видим, не приводят никаких литературно-филологических аргументов. Именно при отсутствии всяких аргументов и при абсолютной неосведомленности можно такое оригинальное творение древнеармянской поэзии, как поэма Давтака Кертоха, выдать за перевод с албанского языка, языка, представление о котором, как показывают специальные исследования, у лингвистов и филологов дальше догадок не идет⁶.

Давтак был не местным—албанским, а приезжим бардом-поэтом и певцом-музыкантом одновременно, подобно гусанам из Голтна, который, по словам Мовсэса Каланкатуаци, «много дней тому назад прибыл ко двору и находился там» (II, 34, с. 117) и стал, по определению С. Еремяна, «придворным поэтом албано-армянского ишхана Джуапшера»⁷. Джуаншир полюб от вероломной руки в 670 г.—следовательно, поэма была сложена примерно в том же году. Поэма Давтака не только написана на армянском языке, но и является акростихом, что заметил впервые армянский историк Мовсэс Каланкатуаци, приведший полный текст поэмы в своей истории: «Он (Давтак) сочинил этот плач о благодетельном Джуаншире строфами по порядку алфавита»⁸. И действительно, в поэме начальные буквы армянских слов, которыми начинаются строфы, составляют армянский алфавит, поэтому и поэма содержит 36 строф—по количеству и последовательности букв в древнеармянском алфавите. Акростих этот не мог быть албанским хотя бы потому, что в албанском алфавите 52 буквы.

Азербайджанские исследователи хранят полное молчание о том, что поэма Давтака является именно *армянским* акростихом, а Ф. Мамедова (с. 256, примеч. 5) по этому поводу ссылается на какое-то сомнительное высказывание Н. Марра, добытое из его рукописного архива (sic!), будто «акростихи были не только у греков, но и у сирийцев», допуская мысль, что Давтак форму акростиха заимствовал из греческой поэзии. Подобное суждение можно было бы объяснить просто непосвященностью ее автора, если бы не постоянная склонность албанофилов к фальсификации фактов, хотя в обоих случаях результат один и тот же.

На самом деле в древнеармянском стихосложении акростихи создавались значительно раньше, еще до Давтака. У нас нет сомнения, что Давтаку был хорошо знаком шаракан (духовный гимн) армянского католикоса Комитаса «Անձրիք նուիրեալք»⁹ («Личности преданные»), посвященный Рипсимеанским девам и написанный в форме акростиха в 618 г.—за полвека до поэмы Давтака. Шаракан этот также содержит 36 строф, и начальными буквами строф образуется древнеармянский алфавит, как и в поэме Давтака.

⁶ А. Г. Шанидзе, Язык и письмо кавказских албанцев, Тбилиси, 1960. А. Г. Абрамян, Дешифровка надписей кавказских агван, Ереван, 1964.

⁷ С. Т. Еремян, Раннефеодальная культура Армении (Очерки истории СССР, с. 236).

⁸ Мовсэс Каланкатуаци, История страны Алуанк. Перевод с древнеармянского Ш. В. Смбатяна, Ереван, 1984, с. 117.

⁹ «Ձայնարար շարական», Կոմիտասի նուիրեալք, 1852, էջ 342.

Давтак

По всей земле пронеслась слава его,
Имя его долетело во все концы света¹¹.

По всей земле проходит звук их,
и до пределов вселенной слова их¹².

Точно так же обстоит дело и с Мовсэсом Каланкатваци (Дасхуранци). Его «Историю страны Алуанк», дошедшую до нас на древнеармянском языке, некоторые азербайджанские исследователи пытаются представить как перевод с албанского, оригинал которого будто не сохранился. По поводу чего член-корр. АН СССР А. П. Новосельцев отметил: «В историографии поставлен и другой вопрос: на каком языке была первоначально написана «История страны Алван»? ... Армянисты, которые лучше всего могут оценить язык сочинений Мовсеса Каланкатваца, да и сам этот труд, единодушно в том, что «История страны Алван» была написана на древнеармянском языке. Более того, и содержание труда свидетельствует о том, что автор его (или авторы) пользовался прежде всего древнеармянской литературой»¹³. В подтверждение этого мнения мы могли бы привести десятки страниц выдержек из «Истории Алуанка», которые дословно извлечены из древнеармянского текста Агафангела, Корюна, Елише, Фавста Бузанда, Мовсеса Хоренаци, Себеоса и других армянских авторов. Далее А. Новосельцев приходит к важному заключению: «Однако утверждение о существовании албанского оригинала труда Мовсеса Каланкатваца ничем не доказано. Так что мы имеем дело только с древнеармянским текстом этого источника»¹⁴.

10 Մ ո վ ս է ս Կ ա ղ ա ն կ ա տ ու ա ց ի, Պ ա տմ ո թ ի ն Ա ղ ու ա ն ի ց ա խ ա ր չ ի, ք ն ն ա կ ա ն
բ ն ա ց ի ը ր և ն ե ր ա ծ ո թ ի ն ը ր՝ Վ ա ր ա ց Ա ո ա ք ն յ ա ն ի, Երևան, 1983, է, 3՝6:

11 Мовсэс Каланкатуаци, с. 117.

¹² См. также: Псалтирь к Римлянам, 10, 18. *Մահանիք զի ընդ ամենայն երկիր,*
և արարաւ նոցա, եւ ընդ ծագի տիեզերաց խաւր նոցա: «Напротив, по всей земле прошел

13 «История СССР», 1985, № 1, с. 186—187.

14 Там же.

Однако более внимательный текстологический анализ доказывает несостоятельность вымысла об албанской редакции, которую Ф. Мамедова рассматривает как более близкий к оригиналу перевод «Истории Алуанка», написанной, якобы, на албанском языке. В действительности, все рукописи группы II¹⁶ более скрупулезно воспроизводят компиляции из армянских источников, например, Мовсэса Хоренаци. В рукописях так называемой «албанской» редакции у Каланкатуани читаем: «От его (Аррана) сына, произошли племена (*qshqsh*) Утнийского, Гардманского, Цавдейского, Гаргарского княжеств» (I, 4). Здесь историк дословно следует своему источнику—Мовсэсу Хоренаци¹⁷, в то время как в рукописях «армянской» редакции—группы I, восходящей к древнейшей рукописи 1289 г. названия «Цавдейского» и «Гаргарского» отсутствуют. Рукописи группы II сообщают, что в жаркой битве с армянскому царю Арташесу попал в плен *царевич аланский* (*shreshprshsh Ushshsh*), как у Мовсэса Хоренаци¹⁸, а в рукописях Мовсэса Каланкатуани группы I речь идет о *царевиче албанском*.

Для определения национальности автора немаловажное значение имеет его отношение к описываемой стране, к его народу, языку и т. д. М. Калаикатуаци страну Алванк—область междуречья Куры и Аракса считает исконно армянских, так как, следуя Мовсэсу Хоренаци, он название *Алванк* этимологически выводит из армянского слова *алу*, что означает *мягкий, приятный* (от того корня происходят современные слова: *աղվոր*—приятный, *աղվաճաղ*—пух, пушок). Он говорит, что Арран из рода Сисака, которого армянский царь Валаршак назначил главой вождей и правителей северных диких племен Кавказа, унаследовал страну Алванк от реки Аракса (Ерасх) до крепости hНаракерт. И так как из-за мягкого (приятного) нрава звали его «Алу», поэтому и его владение стали называть «Алуанк» (I, 4). Точно так же название города Акорз (или Накорз) Мовсэс Калаикатуаци выводит из армянских слов «а»+«корзел» или «Нах»+«корзел» и истолковывает как «отвоеванный первым». При этом он имеет в виду предание, согласно которому сюнникский князь Бабиб отвоевал у персов свою родину на том берегу Аракса и начал это с села

18. 4 աղանկ., Ա. Բ., էջ 13: Մոզսիսի հորենացոյ Պատմութիւն Հայոց, Տփղիս, 1913, Բ. Օ., էջ 177:

(Н. Накорз (II, 1)¹⁹. Такими наглядными примерами из армянской народной этимологии Каланкатуаци дает поучительные уроки армянского языка современным албанофилам, подтверждая тем самым, что даже их излюбленное название—Алванк (Албания)—имеет армянское происхождение. Будь Мовсэс Каланкатуаци албаноязычным автором, он, конечно, предал бы забвению армянское происхождение названий своих родных мест, как это делают сегодняшние албанофилы.

Если бы Каланкатуаци был албаном, он написал бы свою историю на гаргарском языке, для которого, собственно, и создал письмена Месроп Маштоц. Но тут возникает вопрос: почему, в таком случае, албанский историк Каланкатуаци при всем своем глубоким благоговении к Месропу Маштоцу—армянскому просветителю, в то же время с полнейшим презрением относится к своему «родному» гаргарскому языку, называя его, вслед за армянским историком Мовсэсом Хоренаци, «изобилующий гортанными, грубейшими, варварскими и труднопроизносимыми звуками язык гаргарийцев»? (II, 3). Ясно, что с таким пренебрежением мог выразиться лишь инородный писатель, в данном случае армянский историк, о чужом для себя языке.

Часть исследователей выражала предположение, что «История Алуанка» является творением двух авторов—первые две книги созданы в VII—VIII вв., а третья книга—в X в. Согласно же другой версии, История целиком была написана в X в. Ф. Мамедова подстраивает первую версию к соображениям албанофилов, утверждая, что только второй автор X в. в третьей книге пользовался армянским летосчислением, и то в нескольких главах (с. 10).

Это заверение ложное! Каланкатуаци пользовался армянским летосчислением, начинавшимся годом 552, и в других книгах Истории. Так, в 9-й главе второй книги он определяет 35-й год персидского царя царей Хосрова, сына Ормизда, как «первый год после 18-го высокоса», разумея тем самым 73-й год армянского летосчисления: $552 + 73 = 625$ — 35-й год Хосрова II, воцарившегося в 591 году.

Ф. Мамедова многословно толкует и о генеалогии рукописей «Истории Алуанка». В частности, относительно рукописи Парижской национальной библиотеки P₄ № 220 она говорит, что эта рукопись до сих пор привлекала мало внимания, между прочим, «из-за трудности понимания текста, написанного скорописью» (с. 13).

Подумать только! Из-за трудности понимания эта рукопись до сих пор была недоступна армянским исследователям, и только ей, Ф. Мамедовой, с ее незаурядным знанием древнеармянского языка удалось, наконец, одолеть ее, благодаря чему выяснилось (хотя это было давно известно), что рукопись P₄ № 220 имеет в конце дополнительные четыре главы, которые странным образом отсутствуют в остальных рукописях. Вот их заголовки: глава 25 «О битве—кровапролитии—поражении, которое было в Хаченской стране и о благочестивом ишхане Джалале»; глава 26—«О церкви, которая была построена в Гандзасаре ишханом Джалалом—Довла Хасаном»; глава 27—«О смерти благочестивого ишхана Джалала Довла Хасана»; глава 28—«О смерти ишхана Шахиншаха и сыне его Закарии» (с. 16). В связи с этими «вновь выявленными» главами Ф. Мамедова пускается в длинные

¹⁹ В армянской географии VII в. («Ашхархациуц») в составе области Сюник значится город Накорзеан с одноименной рекой (*Աշխարհացոյց Մ. Խորհանդես, 1881, էջ 33*).

исторические экскурсы, смысл которых в том, что в XIII в. Хаченское княжество (Арцах) бывшего Албанского государства вновь достигает нового расцвета, возрождается албанское самосознание, и в честь великого князя Джалала Хасана в конце упомянутой рукописи Р₄ № 220 «Истории Алванка» добавляются четыре новых главы, отражающие события этого времени.

Однако все это является глубоким заблуждением. В действительности рукопись Р₄ № 220 переписана в 1857 г. в селе Вочакан (Вачакан) Кафанского района с оригинала, восходящего к рукописи Британского музея (XVII в.). Помимо того, эти дополнительные 4 главы наличествуют также в рукописи 1664 г. Матенадарана им. Маштоца и в рукописи XVIII в. библиотеки Венецианских мхитаристов. И тут вскрывается вся нелепость положения, в котором пребывает исследовательница—главы 25÷28 в конце указанных рукописей просто добавлены переписчиком в XVII в. из «Истории Армении» Киракоса Гандзакеци²⁰. Вот они: глава 30—«О кровопролитии на Хаченской стороне и о благочестивом ишхане Джалале»; глава 31—«О церкви, которая была построена в Гандзасаре»; глава 63—«О смерти благочестивого ишхана Джалала» и глава 64—«О смерти ишхана Шахиншаха и его сына Закаре». Так что у Ф. Мамедовой нет надобности выдумывать нового албанского историка в XIII в.²¹ Остается спросить у редактора З. Бунятова—не совестно ли ему после всего этого толковать о научной ценности книги Ф. Мамедовой?

После всеобъемлющей «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, названной «Родословная армянских великих (мужей), в Армении начали создавать истории отдельных нахарарских домов на основании родословных книг этих домов,—например, «История Сюника» Петроса Кертюха (VI в.), дошедшая до нас только в отрывках, «История Тарона» Иоанна Мамиконяна (VII в.), «История дома Арцруни» Товмы Арцруни (X в.), «История области Сисакан» Степанноса Орбеляна (конец XIII в.). Подобно этим историям родовых домов, «История страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци была задумана и создана с целью восстановления преемственной связи Албанского дома Араншахинов с коренными армянскими царями из рода праотца армян hАйка и возвеличения царей и князей hАйказунов страны Алванк.

Князья Алванка (т. е. Арцаха и Утика) как автохтоны, подобно нахарарам Сюника, Хорхоруни и другим, считали себя коренными армянами—hАйказунами, т. е. сыновьями hАйка, что неоднократно отмечается в «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци. Например, в главе 17 второй книги Ераншахики названы «изначальный род hАйказунов»; в главе 22 третьей книги упоминаются князь Алванка Апу Али hАйказуни и князь Ашот hАйказуни. В главе 17 второй книги сказано, что Ераншахик Зармиhr, из рода hАйказунов, был зятем храброго Вардана Михранида, в главе 23 третьей книги еще раз подтверждается, «что род Михранидов породнился сватовством с мужами hАйказунами, чтобы в результате родства этого совместно властвовать над Восточным краем Алуанком». Из царского

²⁰ А. А. Акопян, указ. соч., с. 155—156. См. также предисловие В. Д. Аракеяна к книге: *Մովսես Կալանկատուի և Պատմութեան Աղանակից արձարհի, Երևան, 1983, էջ ԽԲ, ԺԵԲ. 38.*

²¹ Ср.: Ф. Мамедова, Интерпретация новых дополнительных глав парижского списка «Истории албан» Моисея Каланкатуицкого в свете эпиграфических данных Гандзасарского храма (Тез. докл. всесоюзной научной сессии «Актуальные проблемы изучения и создания письменных источников», Тбилиси, 1982).

рода Зармихра происходил и Ераншаһик Саһли сын Смбата (III, 20—21)—арцахский князь первой половины IX в. Примечательно, что арабский историк Табари этого князя называет *Саһл Армянин*: Саһл ибн Синбат ал-Армани—здесь «ал-Армани» является синонимом титула «һАйказун».

Таким образом, Арцахские князья, как и их историк, следуя армянской письменной традиции, восходящей к Мовсэсу Хоренаци, название *Алванк* понимали не в смысле страны Албан, как сегодняшние албанофилы²², а под этим названием разумели, как уже было сказано, страну своего предка—родоначальника Алу, потомка благородного и речистого Сисака из рода һАйка. В соответствии с этим они носили титул Алванский (*Աղանիկ*), не в честь этнических албан «пришлых диких племен», по определению Каланкатуаци, живущих в долинах и ущельях—с подножья горы Кавказ до равнины Куры и занимавшихся разбоем (I, 4), а в честь приятного и кроткого нравом родоначальника Алу. Согласно сведению Мовсэса Хоренаци, от этого имени и произошло название страны Алванк (Алуанк) на правом берегу Куры. Историк обозначает даже границы армянского Алванка—от реки Ерасх (Аракс) до крепости һНаракерт. Потомка упомянутого Алу, мудрого и храброго Аррана из рода һАйка, армянский царь Валаршак Партев назначил маркграфом северо-восточного края по течению великой реки Куры, т. е. правителем правобережного Алванка. На основании этого предания Хоренаци (II, 8) титул армянских князей Араншаһик или Ераншаһик толкуется у Каланкатуаци как князь (шаһик=царек) из потомства Аррана, по прозвищу Алу (I, 4). Так что у обоих историков род армянских князей страны Алванк восходит к легендарному праотцу армянского народа һАйку.

Сирийский автор Захария Ритор в 554 г. правителя правобережного Алванка—*страны, находящейся в Армении*, называет «малкона Аррана»²³. В этом выражении нетрудно усмотреть дословный перевод титула Араншаһик (малкона=царек, уменьшительная форма от малка=царь).

Г. Хюбшман также отмечает, что титул *Араншаһик* указывает на древний род һАйкидов (*das alte Geschlecht der Haikanier*) и этимологически восходит к армянскому эпониму «Арран» и персидскому слову Шаһик (царек)²⁴. Однако от внимания немецкого арменоведа ускользнуло то место в «Истории Алуанка», где указывается на Аршакидское происхождение алванских царей. И действительно, в двух

²² Иггар Алиев в статье «Карабах в древности» («Известия АН АзССР», 1988, № 3, с. 20) в названии Арран у Мовсэса Хоренаци усматривает эпоним этнических албан, отбрасывая важное сведение историка, что правитель правобережья Куры Арран, будучи потомком Сисака, происходил из рода прародителя армянского народа һАйка, и что для Хоренаци и Каланкатуаци название Алуанк означает страна Алу—страна потомка һАйка. Он пишет: «Таким образом, наши источники определенно свидетельствуют об албанском происхождении племен Карабахского района». Любопытно, что дважды на странице 20 ссылаясь на армянские источники, Алиев называет «нашими источниками» наряду с Мовсэсом Каланкатуаци также и Мовсэса Хоренаци. Того и гляди, отец армянской историографии скоро станет албанским историком.

²³ Н. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М., 1941, с. 81. См. также, с. 152: «один христианский царек из земли Аран», с. 165: «Аран также земля, в той же земле Армении...; у них есть царь (точнее: царек—А. М.), подчиненный персидскому царю».

²⁴ H. Hübschmann, Armenische Grammatik, Leipzig, 1897, S. 39.

изданиях «Истории Алуанка» (Москва и Париж, 1860), которые имел под рукой Г. Хюбшман, а также в «критическом издании «Истории Алуанка» 1983 г. и в русском переводе 1984 г. (кн. I, гл. 15) Калаикатуаци, приводя из «Истории» Хоренаци полный список потомков hАйка до Скайорди и перечень девяти армянских коренных царей до Тиграна из рода hАйка, тут же продолжает: «Из их же рода был Арран, назначенный правителем Алуанка. Число царей от Аррана до Вачагана Храброго, который был из великого рода Аршакуни, неизвестно». Как видим, здесь явное противоречие—царский род Албании от Вачагана первого до Вачагана Благочестивого возводится к великому роду Аршакидов. Но последние не могли быть потомками hАйкидов. При близком ознакомлении с разночтениями текста это противоречие полностью устраняется. Дело в том, что лишь группа I списков Калаикатуаци в данном месте после слов *քրաշն Վաշապան* («до Вачагана Храброго») имеет вставку *որ էր ի մեծ ազգէն Արշակունիաց* («который был из великого рода Аршакидов»), что отсутствует в списках группы II и, несомненно, является интерполяцией позднего времени. И действительно в рукописи № 2561 Матенадарана имени Маштоца, переписанной в 1664 г. в Амарасском монастыре в Арцахе и являющейся прототипом всех последующих списков II группы, в 15 главе первой книги (лист 27а) читаем: «*Եւ թիւ անուանցն (յԱնանայ) շէ յայտ մինչև քՎաշապանի, քաշ»* («Число имен (от Аррана) до Вачагана Храброго неизвестно»). Сказанное подтверждается и сторонним авторитетным источником; армянский историк XIII в. Киракос Гандзакеци, явно пользовавшийся трудом Калаикатуаци при изложении 10-ой главы своей истории, возводит династию албанских царей к потомкам hАйка (*ի քարմից Հայկայ*), а именно к родоначальнику Аррану, которого армянский царь *Валаршак Партев назначил правителем и князем тех краев*²⁵. Из приведенного сведения Киракоса Гандзакеци видно, что он перед собой имел текст идентичный с «албанской» редакцией, согласно которому, Мовсэс Калаикатуаци возводит род албанских царей через Аррана к царю Тиграну, к коренным армянским венценосцам из рода hАйка, что и нашло отражение в Истории Киракоса Гандзакеци (глава X). Эта генеалогия подтверждается и в другом месте «Истории Алуанка», а именно в главе 17 второй книги, где hАйказуни названы *изначальным (исконным) народом Албании— «գնխնական ազգն Հայկազնիաց... Աղուանից»*, что также исключает аршакидское происхождение албанских царей. Поскольку последний текст идентичен в обеих редакциях, то его следует признать первоначальным, аутентичным. Вот почему, приводя из Калаикатуаци список этих десяти албанских царей, историк Киракос утверждает, что многие албанские вожди были армяноязычными и говорили по-армянски.

С изъятием вышеуказанной интерполяции из списков группы I в них также албанские цари станут потомками царей-хайкидов (Тиграна и других), и тем самым устранятся все противоречия между главами 1, 15 и 11, 17 «Истории страны Алуанка», и списки группы I придут в соответствие со списками группы II Калаикатуаци, а также с историей Гандзакеци. Таким образом, сведение об Аршакидской династии албанских царей, так усердно возвеличенной Ф. Мамедовой в качестве антипода армянских Аршакидов, оказывается более чем

²⁵ *Կիրակոս Գանձակեցի, Պատմութիւն Հայոց, աշխատասիրությամբ Կ. Ա. Մե- լիք-Օհանջանյանի, Երևան, 1961, էջ 193.*

сомнительным²⁶. В самом деле, исследователям есть над чем поразмыслить—почему «албанская» редакция, да и вся «История Алуанка» Каланкатуаци свидетельствует об армянском происхождении албанских правителей и царей.

Сознанием принадлежности к сыновьям hАйка, то есть к армянскому народу, пронизан и знаменитый «Судебник» Мхитара Гоша (умер в 1213 г.). Как правильно отмечал акад. К. А. Мелик-Оганджаниян²⁷, Мхитар Гош «прекрасно знает придирчивый характер своих соотечественников, их привычку—прямохонько указывать на ошибки, и обращаясь к своим читателям, с добродушным снисхождением заявляет в памятной записи: «Но если вы, верные нравам нашего народа, будете укорять меня в моих ошибках (за мои ошибки—А. М.), а не исправлять их, то, зная подобную привычку наших гайканцев (в подлиннике: hАйказунов—А. М.), зная вполне меру себе, не буду винить вас за это»²⁸.

Последовательное упоминание слов «hАйказун» у Каланкатуаци, Гоша и «потомки hАйка» у Киракоса Гандзакеци показывает, что так называемых «албанских авторов», независимо от того, жили они в VIII—X или в XII—XIII веках,—объединяло сознание принадлежности к народу и роду, который ведет свое происхождение от прародителя hАйка. Все они одинаково считали Алванк на правобережье Куры родиной потомков hАйка.

Ф. Мамедова упорно утверждает, что Гош создал свой «Судебник» только для албан (дважды на с. 24) и связывает появление «Судебника» с возрождением албанского духа и правовых традиций. Чем же было вызвано, в самом деле, создание Гошем свода канонов армянского правосудия—на этот вопрос отвечает он сам в заглавии первой главы введения «Книги судебной», которое гласит: «Глава первая, в которой есть ответ тем, кто злословит о нас, что у армян нет судебного»²⁹. Ясно, что под словом *нас* Гош имеет в виду армян, в том числе и себя. Кстати, это заглавие имеется в рукописях всех трех редакций³⁰ «Судебника» М. Гоша, а это доказывает, что свод древнеармянских судебных законов и канонов был составлен армянином М. Гошем именно для армян, а не для албан, которых в XII в. и в помине не было. В «Судебнике» можно отметить еще не один факт, связывающий его с армянской действительностью. К примеру, в Памятной записи «Судебника», помимо точной датировки, Мхитар Гош описывает и время, когда он приступил к созданию своего труда: «Предприняли мы это дело в 633 году армянского летосчисления, вычитав цикл (в 532 года), будет 101-й год по календарю, который на-

²⁶ Разумеется, установить подлинное происхождение царской династии собственно Албании (I в. до н. э.—V в. н. э.) можно лишь на основе критического рассмотрения всех греко-римских и ранних армянских источников.

²⁷ К. А. Мелик-Оганджаниян, Еще раз о национальной принадлежности Мхитара Гоша, автора «Судебника» [*«Բանբեր Հայաստանի արխիվներ»*, («Вестник архивов Армении»), 1969, № 1, էջ 197].

²⁸ Памятную запись см.: Армянский судебник Мхитара Гоша (русский перевод с древнеармянского А. А. Паповяна), Ереван, 1954, с. 29—30.

²⁹ *Մի ի թիւ Գոշ, Գիրք դատաստանի, էջ 1. «Գլուխ Ա, Յորում կալ արտաքինի իշխութիւն, որը բաժանեն իմեզ, եթէ չկալ դատաստան ի Հայք»* (редакции I и II).

³⁰ В издании В. Бастамянца (*Մի ի թիւ Գոշի Դատաստանագիրք Հայոց, Վաղարշապատ, 1880*) отмечено, что венецианская рукопись «Судебника», принадлежащая второй редакции, в заглавии предисловия также имеет «...եթէ չկալ դատաստան ի Հայք», с. 5, примеч. 5.

зывается (у нас) Малым календарем, по греческому же (правильнее— по ромейскому—А. М.) летосчислению в 405 г.³¹

По поводу тройной датировки Мхитара Гоша Ф. Мамедова, не вникая в суть вопроса, замечает: «Итак, «у нас»—у албан существовал даже свой метод летосчисления, в отличие от армянской эры—Малый календарь...» (с. 25). Досадное недоразумение! Во-первых: слова «у нас», что Ф. Мамедова тотчас же толкует как «у албан», не принадлежат Мхитару Гошу, а включены в текст в скобках русским переводчиком «Армянского судебника» А. Паповяном для пояснения. Ф. Мамедова же из скобок перемещает их в кавычки и преподносит в качестве слов Гоша. Если бы даже все обстояло именно так, все же непонятно, почему слова «у нас» в устах Гоша должны непременно означать «у албан»? Ведь мы же видели, что в заглавии первой главы введения к «Судебнику» Гош под словом «нас» подразумевал только «армян». Что же касается Малого календаря, будто бы существовавшего только в Арцахе—«арменизированной Албании», то и в этом вопросе Ф. Мамедова пребывает в глубоком неведении. В действительности, Малый календарь, который здесь противопоставляется армянской эре, как «собственно албанское изобретение» составил и ввел в употребление в 1084 г. по всей Армении, в том числе и Арцахе, армянский философ и календарист Иовханнес Саркаваг³², чьим именем и был назван «Саркавагадир» (установленный Саркавагом).

З. Бунятов, Ф. Мамедова и другие ревностно объявляют Мхитара Гоша албаном, а его труд—«Албанским судебником», под предлогом того, что этот судебник был составлен Мхитаром Гошем по настоянию католико́са Албанского дома Степанно́са (Третьего)³³. Во-первых, албанский католикос в XII в. был одним из патриархов армяно-просветительской церкви и подчинялся католикосу Великого дома Киликии. Во-вторых, как отмечает историк Киракос Гандзакци, Мхитар Гош по возвращении из Киликии, в родном Гандзаке подвергся гонениям таджиков (т. е. арабов), которых подстрекал на это не кто иной, как католикос Албанского дома Степаннос. Причиной тому могли быть то ли конфессиональные (возможное общение Гоша в Киликии с латинскими католиками), то ли престижные соображения, а, вернее, те и другие вместе. Гош вынужден был удалиться из Гандзака и найти приют и почет в крепости Атерк, у Хаченского князя Вахтанка и его братьев³⁴. Из-за этих притеснений затянулась его работа над начатой судебной книгой. Здесь, в Атерке, ему удалось продолжить и завершить заветный труд. Подтверждение этих притеснений и намеков на подстрекательство Степанно́са, о чем сообщает Киракос, мы находим в авторской Памятной записи Мхитара Гоша, изданной Левондом Алишаном, где упоминается и о затянувшейся работе над «Судебником». Вот интересующие нас заключительные строки, которые Гош присовокупил к Памятной записи в качестве послесловия и которые отсутствуют во многих рукописях и в обоих изданиях «Судебника» 1880 и 1975 гг.: «Да удостоит господь бог волей своей боголюбивого и благочестивого князя князей Вахтанка, сына Асана, сей книги судебной, чтобы непреложным путем нтии ему по заповедям

³¹ Армянский судебник Мхитара Гоша, с. 30.

³² Армянский судебник Мхитара Гоша, с. 228—229 (примеч. 7 Б. Арутюняна), А. б. Ք ա լ շ ի յ ի ն, Տոմարի պատմություն, Երևան, 1972, էջ 117—125.

³³ З. Бунятов, указ. соч., с. 99. То же повторяет дословно и Ф. Мамедова: указ. соч., с. 22—23.

³⁴ Կ ի Ր շ Կ ը ի Ք ա լ շ ի յ ի ն, Պատմություն Հայոց, Երևան, 1961, ԺԳ, էջ 209.

сим... И хотя в том году, когда начали «Судебник», мы довели его до заданного объема, однако вследствие притеснений, настигнувших нас от (нашего) приближенного, а не от чужого, затянулось писание этого памятника»³⁵.

Точно так же в нижеупоминаемом письме к Григорису, католикосу всех армян в Киликии, Гош жалуется на пренебрежение и притеснения, которые он претерпел от *просителя судебной книги*, то есть от Степанноса³⁶. Такова действительность, где не остается места лживым утверждениям о покровительстве и содействии, якобы оказанном Мхитару Гошу католиком Алванка Степанносом в деле создания так называемого «албанского» судебного.

Но это еще не все. Одно лишь увещание албанского католика оказалось недостаточным для Мхитара Гоша, чтобы приступить к созданию «Судебника». Памятная запись автора «Судебника» в рукописи № 2775 Матенадарана им. Маштоца (XIV в.) свидетельствует, что Гош принялся за создание судебной книги лишь после того, как с настоящим письмом (*յորդորմիմք ի ձեռն թղթոյ*) к нему обратился армянский католикос Киликии Григорис³⁷. Понятно, что всеобъемлющий свод церковных и светских правовых канонов с самого начала предназначался для общеармянского пользования. Поэтому, невзирая на разлад с католиком Албанского дома Степанносом, Гош должен был представить свой труд на одобрение и утверждение католикосу всех армян в Киликии. По завершении книги Гош сопроводительным письмом отправил Григорису переписанный экземпляр «Судебника» с просьбой: внимательно прочитать его, и если книга окажется бесполезной для церкви и причиной для искушения, предать ее огню, «хотя наши вардапеты,—так заканчивает Гош свое письмо,—прочитав ее, приняли охотно»³⁸. Это письмо вшито в конце одной из древнейших рукописей «Судебника» Гоша, который хранится в библиотеке Зммарского монастыря (Ливан). Все это, конечно, не случайно и восходит к издавна принятой традиции, согласно которой католикос Алванка (Албании) подчинялся иерархически католикосу всех армян. Не кто иной, как сам «албанский юрист» Мхитар Гош в хронике «Католикосы и события страны Алванк», приводя список алванских католикосов, свидетельствует, что спустя восемь лет после кончины католикоса Алванка—молодого Степанноса, в 558 г. армянского летосчисления (в 1139 г.), церковный собор Алванка во главе с прибывшим с этой целью из Киликии придворным епископом, владыкой Саһаком, посланцем армянского католикоса, торжественно рукоположил Григориса в католикосы Алванка³⁹. Попытки переписать события XII в. в новой редакции и изобразить албанского католикоса

³⁵ Ղևոնդ Ալիշան, Հայագիտութիւն, Վենետիկ, 1901, հ. Բ, էջ 407—408: (Русский перевод наш—А. М.).

³⁶ См.: предисловие доктора юридических наук Х. Торосяна к критическому изданию «Судебной книги», М. Гоша, Ереван, 1975 — Մի ի թիւր Գոշ, Գրգր Դաւանանք, էջ 45—46:

³⁷ Там же, с. 172 (*տարբերութեան ի խմբագրութեան*):

О распоряжении католикоса Григориса по поводу «Судебника» Гош упоминает также в ответном письме к Григорису, опубликованном Х. Торосяном в его предисловии к «Судебнику» (էջ 46).

³⁸ См. предисловие Х. Торосяна к критическому изданию «Судебной книги» М. Гоша, с. 37—38. Выдержки из письма даем в нашем переводе.

³⁹ Ղևոնդ Ալիշան, Հայագիտութիւն, էջ 385—386:

неким «римским папой», чтобы попутно присвоить «Судебную книгу» Гоша, не приведут ни к чему!

Итак, аргументы албанофилов оказываются совершенно несостоятельными для того, чтобы провозгласить албанским и таким образом присвоить очередной шедевр армянской средневековой литературы, подводящий итог многовековой правовой мысли в Армении.

Что же касается Киракоса Гандзакеци, то еще в 1946 г. бакинские издатели из заглавия русского перевода его «Истории Армении» изъяли слово «Армения», мотивируя это тем, что Киракос Гандзакеци назвал свой труд просто «Историей»⁴⁰. То же самое они твердят и относительно «Армянского судебного» Мхитара Гоша⁴¹. Однако подобная ретивая придирчивость говорит лишь о том, что эти исследователи в своих трудах дальше заглавия не пошли и не вникли в суть содержания. Дело в том, что все рукописи Киракоса Гандзакеци имеют многословное заглавие в древнеармянском оригинале.

«Краткая история времен от святого Григория, доведенная до последних дней. Написана Киракосом, избранным вардапетом в прославленном монастыре Гетик». Издатели вынуждены были для краткости озаглавить труд Киракоса «История Армении», исходя из его содержания. Кто ссылается на рукописи, тот должен восстановить и первоначальное заглавие, хотя от упоминания армянского просветителя в заглавии язык, дух и содержание «Истории» Киракоса не станут менее *армянскими*, а уж албанскими точно не станут. Не получив должного отпора, албанофилы с тех пор систематически «отвоевывают» у древнеармянской литературы все новых и новых авторов, произвольно приписывая им албанское происхождение.

Вопреки тщетным усилиям сегодняшних албанофилов, пытающихся выставить Киракоса Гандзакеци арменизированным албанским писателем, историк Киракос сам определил свое место в армянской литературе. В самом начале своего труда он ретроспективно обобщает весь пройденный путь предшествующей армянской историографии V—XIII вв. и поименно характеризует всех армянских историков от Агафангела до своего учителя и современника Ванакана Вардапета, в том числе и Мовсеса Каланкатуаци, называя их «историографы армянского народа»⁴². Тем самым он причисляет себя к семье армянских авторов, у которой никто и никакими домогательствами не может его отнять.

Киракос Гандзакеци в своем труде отображал историю Армении в эпоху нашествия татар и монголов, чаяния и тревоги родного народа; с болью отзывается он о бедствиях, постигших Армению нашествием монгольских орд, и в этой связи он неоднократно упоминает «Пророчество католикоса нашего (*Հայրապետիկի խերի*), святого Нерсеса, о разорении нашей страны армянской рукой народа стрелков (*լազգէն ինտղաղ*), которых разрушения и резню, произведенные во всем мире, мы видели своими глазами»⁴³. Кого же называет здесь

⁴⁰ Ф. Мамедова, указ. соч., с. 32.

⁴¹ З. Бунятов, указ. соч., с. 98—99; Ф. Мамедова, указ. соч., с. 22.

⁴² Киракос Гандзакеци, История Армении, М., 1976, с. 44—45. Даже в бакинском издании 1946 г. русского перевода «Истории» Киракоса Гандзакеци все упомянутые писатели, в том числе и Мовсес Каланкатуаци, названы «историками армянского народа» (с. 14).

⁴³ Киракос Гандзакеци, История, перевод Тер-Григоряна, Баку, 1946, с. 118. Мы нарочно приводим цитату из бакинского издания русского перевода «Истории Ар-

историк Киракос «нашим католикосом» (вернее патриархом), быть может какого-нибудь албанского патриарха? Конечно же нет! Нашествие татар на Армению историк ассоциирует с известным видением армянского католикоса IV века Нерсеса Великого, который, по преданию, перед своей смертью предсказал злосчастное грядущее, что Армения подпадет под страшное иго племени стрелков (лучников), которых сокрушит оружие франков и принесет избавление народу армянскому от иноверцев. Об этом видении повествует Месроп Иерей Вайоцдзореци в «Житии Нерсеса Партева», написанном в 967 г. (древнейшая рукопись «Жития» дошла до нас с XII века)⁴⁴. Этим ярким фактам выражения национального самосознания Гоша, Гандзакеци и других авторов З. Бунятов и его клеветы противопоставляют только свою полнейшую неосведомленность и голословное приписывание албанам богатую многовековую литературу, что сводится попросту к расхищению чужой культуры.

Древнеармянская литература и, в частности, историография, на всем пути своего существования в той или иной мере отображала историю и жизнь соседних стран и народов. Древние сокровища этой литературы открыты для общего пользования и научного освоения, но отнюдь не для их присвоения.

В конце концов, всякий «научный» спор об албанской литературе обречен на беспредметный разговор из-за полнейшего отсутствия предмета такого спора; ведь вместо роскошной албанской литературы, какой ее преподносят Зия Бунятов и прочие в своих книгах, в действительности перед нами только зияющая пустота, пустые суждения о существовании в Албании даже литературных школ—сирофильской и грекофильской⁴⁵, что порождено стремлением приписать албанской литературе не только богатство и разнообразие древнеармянской литературы, но и этапы ее развития.

Однако попытка удревнения албанской письменности не имеет никакого основания и зиждется лишь на подлоге первоисточника. То, что Маштоц сам был первым создателем албанского алфавита, об этом единодушно сообщают Корюн, Хоренаци, Каланкатуаци и другие армянские авторы. Ведь по словам самого Корюна, «Он (Маштоц) расследовал варварские слова алуанского языка, затем своей обычной проницательностью, ниспосланной свыше, создал письмена (для албан)»⁴⁶. А тут в книге Ф. Мамедовой читаем: «Армянский автор Корюн сообщает, что Месроп Маштоц, придя «в страну албан, возобновил их алфавит, содействовал возрождению научных знаний...» (с. 256, примеч. 4). Оказывается, в начале V в. Маштоц только *ре-ставрировал и реформировал* албанское письмо, которое будто существовало задолго до этого (с. 6—7). До V в. в Албании «бытозали» даже *научные знания*, прямо в современном смысле этого слова.

Выясняется, что Ф. Мамедова под видом древнеармянского первоисточника Корюна преподносит несведущему читателю в обратном русском переводе французский перевод Виктора Ланглуа⁴⁷ поздней

менни» Киракоса Гандзакеци. От внимания издателей, которые изъяли из заглавия книги слово Армения, по-видимому ускользнуло это место, как и впрочем, и другие свидетельства историка, подтверждающие его армянское происхождение. О том же Нерсесе и племени стрелков Гандзакеци упоминает и в начале книги (с. 22).

⁴⁴ Издано в «Սոփորի Հայկական», տ. 2, Կենտրոն, 1853.

⁴⁵ Ф. Мамедова, указ, соч., с. 6.

⁴⁶ Корюн, Житие Маштоца, Ереван, 1981, с. 211, гл. 16 (русский перевод).

⁴⁷ Gorioun, Biographie du bienheureux et saint doctor Mesrob.—Collection des

компилятивной версии жития Месропа, известной под названием Лже-Корюн и составленной по сведениям разных источников, так как она больше подходила концепции автора монографии. Речь идет о той версии Лже-Корюна, которую немецкий арменовед И. Маркварт назвал «компиляцией в стиле Метафраста»⁴⁸. Она была напечатана в Венеции в 1854 г. во II-м томе сборника «*Սոփերը հայկականը*», так что исследовательнице не надо было залезать в такие дебри—в двойные переводы туда и обратно.

К тому же ни В. Ланглуа, ни Ф. Мамедова не вникли в суть сообщения армянского компилятора. Цитируемый отрывок составитель «Истории св. Месропа» извлек не из Корюна, а из Хоренаци⁴⁹. В этой компиляции сказано, что «придя в Алуанк, там он (Месроп) вновь создал тем же образом письма и (дал) наставления любить учение, и оставив там учителей, возвратился в Армению»—«*Եւ ինքն յԱղուանկ երթեալ և անդ նորոգէր ըստ նմին օրինակի զնշանագիրս և զստմանս ընթեանն աւանդս, և վարդապետս թողեալ անդ դանաւր ի Հայս*»⁵⁰. Непосредственно перед этим говорилось о том, что Месроп побывал в Грузии, там создал письма, собрал детей и назначил учителей для обучения их письму. Глагол *նորոգել*, помимо значений «обновить, восстановить», имеет также смысл «вновь начать, повторить прежнее действие»⁵¹. Слова компилятора «*նորոգէր ըստ նմին օրինակի*», которые он вставил от себя вместо слов Хоренаци «*ստեղծ (զնշանագիրս)*»—«создал (письмена)», означают, что Месроп вновь начал (возобновил) в Албании ту же деятельность, что и до этого в Грузии, а не то, будто он *реставрировал в Албании* существовавший прежде алфавит. А сочетание «наставления любить учение» превратилось у Мамедовой в лишнее всякого смысла выражение: «(Маштоц) содействовал возрождению научных знаний». Все это понадобилось не только для умаления просветительской миссии Месропа Маштоца, но и для удревления албанской письменности.

Именно средневековые армянские книжники, которых албанофилы обвиняют в уничтожении албанских оригиналов V—X вв., сберегли от опустошительных нашествий огузов и сельджуков созданный Месропом Маштоцем албанский алфавит и сохранили его для наших дней⁵², и незачем албанофилам притворяться сердобольными наследниками албанской письменности и литературы и укорять армян в уничтожении того, что сами армяне создали.

Академик С. Л. Тихвинский в своем докладе «Состояние и задачи координации исторических исследований» особо подчеркивал стремление некоторых закавказских историков заниматься «предметом на-

historiens anciens et modernes de L'armenie par Victor Langlois, Paris, 1869, t. II. Интересующая нас цитата: „Puis il alla dans le pays des Aghouank, renouva leur alphabet, fit revivre les traditions de la science“—(р. 10), что переадресуется так: „а затем он отправился в Алванк, обновил их алфавит, возродил традиции учения“.

⁴⁸ J. Marquart, Eranšahr, Berlin, 1901, S. 4.

⁴⁹ Мовсэс Хоренаци, III, 54, с. 192—193 («Месроп, отправившись в страну Иверов... парсийские правители не позволяли в своей части кому бы то ни было учиться греческому, но только сирийскому») — см. «*Սոփերը հայկականը*», հ. ԺԱ, Կորին վարդապետի պատմութիւն սրբոյն Մեսրոպայ, Վենետիկ, 1854, էջ 12.

⁵⁰ «*Սոփերը հայկականը*», հ. ԺԱ, Վենետիկ, 1854, էջ 12.

⁵¹ Ստ. Մալխասյանց, Հայերէն բազմաթիւ բառեր, հ. 3, էջ 480՝ 5-е значение слова «*նորոգել*».

⁵² Албанский алфавит в 52 знака сохранился в двух армянских рукописях—XV в. (Матенадаран, № 7117) и XVI в. (коллекция Х. Кюрдяна, США).

учно необоснованного спора за культурное наследство». Он пишет: «Имеют место попытки искать тюрок в Передней Азии уже в глубокой древности и приписывать им ведущую роль в создании древнейших передневносточных цивилизаций, а также местных закавказских культур и государств (прежде всего Кавказской Албании, скифов и т. д.)»⁵³.

Албанизация коренного армянского населения Арцаха (т. е. Нагорного Карабаха) и прилежащих районов, находящихся в административном подчинении Азербайджанской ССР, не что иное, как антиисторический абсурд, выдаваемый в качестве продукта научной мысли. Она преследует цель распространить на историческое прошлое сегодняшний статус-кво, присвоить историческую родину армян и созданные ими культурные памятники, их выдающихся средневековых писателей и историков.

Лженаучная презумпция об албанском происхождении коренного армянского населения указанных областей непосредственно перекликается с туркизацией армянского народа и его истории со стороны пантюркистов из современной турецкой историографии, утверждающих, что в западной Армении никогда не существовало армян.

В 1983 г. в Анкаре вышла книга «Христианизированные турки» (*Hristiyanlaşan türkler*), автор которой доктор-профессор Мехмет Эроз пытается доказать, что армяне—это христианизированные турки и созданная ими культура является достоянием турецкого народа. Идея албанизации армян является прямым продолжением пантюркистских устремлений, питается теми же истоками и не могла не породить далеко идущих отрицательных последствий.

Превратное истолкование исторических реалий из лженауки албанофилов иногда просачивается в художественную литературу и через нее адресуется массовому читателю в эмоциональных окрасках. Так, народный поэт Азербайджана, Герой Социалистического Труда Расул Рза, который печально прославился своими клеветническими выходками в адрес национального героя армянского народа Андраника⁵⁴, в стихотворении «Бабек»⁵⁵ искаженно представляет события первой половины IX в., когда Бабек после поражения в битве с арабами укрылся в армянских областях Сюник и Арцах и был выдан арцахским князем Сахлем, сыном Смбата, в руки арабам. Путая сына с отцом, Расул Рза клеймит *Сумбата* предателем и как нарицательное имя распространяет его на сегодняшний армянский народ и, дав волю своим националистическим страстям, обзывает нынешних *Сумбатов* пришельцами, предателями, зверьми и т. д. Народный поэт Азербайджана, извращая истину, умышлению подстрекает своих читателей к ненависти к армянам, поскольку ни Бабек, который был персом, ни события IX в. не могут иметь никакого отношения к азербайджанскому народу⁵⁶. К тому же он умалчивает, что Бабек со своими разбойниками в течение 12-и лет опустошал гавары армянского Арцаха и Сюника до гавара Гегаркуник, грабил население, истреблял даже женщин и детей⁵⁷, за что и в 837 г. (в 286 армянского ле-

⁵³ С. Л. Тихвинский, Состояние и задачи координации исторических исследований («Вопросы истории», 1986, №9, с. 10).

⁵⁴ Журнал «Азербайджан», Баку, 1965, № 9 (на азербайджанском языке).

⁵⁵ «Бакинский рабочий», 18. V. 1980.

⁵⁶ Азербайджанская народность образовалась, как известно, не ранее XI—XIII вв. (см.: А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, Пути развития феодализма, М., 1972, с. 56—58).

⁵⁷ Мовсес Каланкатуаци, III, 20, с. 164.

тосчисления) против него выступил князь Арцах Сабли, взял его в плен и в отместку за его злодеяния, о коих повествуют также арабские историки, отдал его в руки арабскому эмиру. Недаром же историк Каланкатуаи называет Бабека (Бабан) «истребляющий людей, опустошитель стран, смутьян Бабан и зверь кровожадный»⁵⁸—красноречивее не скажешь!

На протяжении многих лет мы были свидетелями того, как албанофильство оборачивалось заядлым армянофобством и с недоумением вопрошали—до чего доведет эта концепция? Теперь уже ясно, до чего она довела. Трагически знаменательно, что до конца лженаучная концепция насильственной арменизации албан, уничтожения армянами их языка и вековой литературы, что проповедовалось годами в Азербайджане под вывеской дружбы народов, была приведена в действие на сумгаитских улицах Дружбы и Мира, на всех улицах «братства», где беснующаяся толпа в течение 3-х дней учиняла кровавую оргию и не просто убивала, а садистски-изощренными способами мученической смертью умерщвляла и сжигала живьем многих и многих сограждан-армян.

В 1987 году Кемал Алиев издал книгу «Античные источники по истории Азербайджана», в которой, среди прочих, были опубликованы и сведения римского писателя Помпония Мелы об омерзительных нравах древних кочевых турок, живших когда-то между Волгой и Уралом. В сочинении «Землеописание» (около 44 г. н. э.) Помпоний Мела сообщает, что эти варвары «любят» войну и резню; у воюющих в обычае самим выпивать из ран кровь первого убитого врага; чем больше кто убьет, тем считается у них доблестнее; не быть убийцей—величайший позор»⁵⁹.

Вызывает удивление тот факт, что подобная зловещая характеристика предков приводится без особой на то необходимости и без надлежащих комментариев. И первобытный садизм, неистовствовавший в заселенных армянами районах Азербайджана, наглядно показал цену такому нравственному воспитанию.

Председатель Союза писателей Азербайджана Анар, сын вышеупомянутого армянофоба Расула Рзы, 16-го апреля 1988 г., выступая по случаю открытия XXI всесоюзного кинофестиваля, ни словом не осудив адский Сумгаит, заявил: «Мы в Азербайджане стремимся к нравственной высоте!». Когда человек смотрит на факты вверх ногами, падение видится ему взлетом.

ՎԵՂԾ ԱՂՎԱՆԱԿԱՆ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՆՐԱ ԶԱՏԱԳՈՎՆԵՐԸ

Ա. Վ. ՄՈՒՇԵԳՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Վերջին տասնամյակներս ադրբեջանցի բանասեր-պատմաբանների մի ներխուժումը նախանշելի է հոգարարում երևակայական աղվանից գրականութունը հարստացնելու հայ միջնադարյան գրականության մի քանի նշանավոր դեմքերի ու երկերի հաշվին: Սոսկ մերկ հայտարարությամբ այսպես կոչված աղվանից գրականությանն են կցվում VII դ. հայ բանաստեղծ Դավթակ Քերթոզի «Ողբը ի մահն Ջուանշիրի մեծի իշխանին» բանաստեղծությունը, Մովսես Կաղանկատվացու և Կիրակոս Գանձակեցու պատմական երկերը. Մխիթար Գոշի առակները, նշանավոր «Դատաստանագիրքը» և այլ գրվածքներ: Ընդ որում Դավթակի և Մովսես Կաղանկատվացու երկերի հայերենն քննադրերը համարվում են աղվաններին կատարված թարգմանություն-

⁵⁸ Там же, III, 21, с. 166.

⁵⁹ К. Алиев, Античные источники по истории Азербайджана, Баку, 1987, с. 87.

ներ, որոնց բնագրերն իբր թե ոչնչացվել են հայ եկեղեցականների սադրանքով, իսկ Մխիթար Գոշն ու Կիրակոս Գանձակեցին հռչակվում են աղվան հեղինակներ և աղվանական ազգային ոգու զարթոնքի արտահայտիչներ, թեև իրենց երկերը շարադրել են գրաբար:

Կարելի էր կարծել, թե հայ գրականության կողոպուտի այս փորձերը հիմնավորվում են պատմարանասիրական լրջմիտ հետազոտություններով և մանավանդ՝ տեքստաբանական մանրախույզ քննությամբ: Սակայն հայ գրականության անբաժանելի մասը կազմող վերոհիշյալ ինքնատիպ և բնագիր երկերը թարգմանովի և աղվանական հռչակելու համար ադրբեջանցի հետազոտողները չեն ներկայացնում որևէ փոքր ի շատե ուշագրավ փաստարկ: Իրականում, հայ հեղինակներին սեփականելու մարմաջը մասն է կազմում կեղծ աղվանագիտությամբ սքողված այն շինծու կոնցեպցիայի, որի նպատակն է հորհրդային Ադրբեջանի վարչական ենթակայության տակ եղած պատմական Հայաստանի տարածքներում, այդ թվում և Արցախում, ապրող հայերին հորդորել բռնի ուժով հայացած աղվաններ և նրանց ստեղծած հոգևոր ու նյութական մշակույթի գանձերը ներկայացնել իբրև աղվան նախնիների թողած ժառանգություն:

A PSEUDO-ALBANIAN LITERATURE AND ITS APOLOGISTS

MOOSHEGHIAN A. V.

S u m m a r y

During recent decades a small group of Azerbaijani philologists and historians have been showing enviable endeavour to enrich an imaginary "Albanian literature" at the expense of some renowned personalities and creations of medieval Armenian literature. Davtak's and Kaghankatvatsi's original Armenian works are considered translations made from the Albanian language as if originals had been destroyed through instigations by Armenian clergymen, and Mekhitar Gosh and Kirakos Gandzaketsi are declared Albanian authors and expressions of the awakening of the Albanian national spirit, as if they composed their creations in Grabar—ancient classic Armenian.

One might suppose that this serious revelation of the dismemberment of the Armenian literature is based on historically linguistic and thoughtful investigations and especially on textual minute scrutiny. And yet the Azerbaijani investigators present no noteworthy proof at all in order to declare the above-mentioned distinctive and original works, which constitute an inseparable part of the Armenian literature, to be Albanian translations. In reality, the itch to appropriate the Armenian authors constitutes a part of a fake concept cloaked with sham Albanian studies (Albanology). A concept the aim of which is to proclaim Armenians, living under Soviet Azerbaijan's administrative rule on the territory of historic Armenia including Artsakh, to have been forcefully Armenized Albanian and the spiritual and material cultural treasure created by them as a legacy left by Albanian ancestors.